

Динамика зон переходности в русском языке XXI в.¹

Предлагаемый подход к зонам переходности (далее – ЗП) носит авторский характер и отражает нашу собственную точку зрения на обсуждаемую проблему, что, естественно, предполагает возможность дискуссии. Заметки содержат размышления по поводу проявления на разных уровнях системы современного русского языка начала XXI в. ряда отчетливых моментов языковой динамики, которые, на наш взгляд, являются – в той или иной степени – естественной реакцией имманентного и синергетического языкового организма на непродуманное на него воздействие. Язык – часть природы, прежде всего социальной, и мы все прекрасно понимаем, во что превратило человечество – и не только российское! – свой мир. Именно поэтому мы дифференцируем позитивные и негативные явления в современном русском литературном языке, связанные с языковой динамикой. Первые отражают неизбежное появление контаминантов всякого рода, совмещающих признаки базовых единиц системы. Вторые свидетельствуют о разрушении языковой материи, деградации целых классов единиц и лексических пластов и целых участков картины мира.

1. Прелегомены вопроса.

Языковеду-русисту знакомы такие моменты в современном русском литературном языке, как десемантизация и идиоматизация, редукция пространства всех языковых единиц, образование гибридных частеречных единиц-функтивов, развитие омонимии на всех уровнях, нечеткость употребления и совмещение при употреблении признаков разных классов, разрушение границ стилевых узусов в условиях разговорно-просторечной экспансии и насильственной варваризации словаря и др. Иными словами, всё это такие явления, которые, выпадая из строгого регламента сосюрховской системности, представляют собой своеобразные «черные пятна» в пространстве языковой, шире – лингвостилевой, картины как системы, развивающейся динамически, однако в последнее время испытывающей разрушительное воздействие деструктивных процессов. Касающиеся прежде всего социолингвистического ракурса, эти процессы заметно влияют на состояние языковой личности носителя русского языка, на его речевую психологию и на его индивидуальную языковую картину мира. Гибкая и стройная система русского литературного языка, достигшая своего гармонического апогея в первой трети прошлого столетия, в дальнейшем развивается динамически ско-

¹ Статья является первой из цикла работ, посвященных зонам переходности в современном русском языке.

рее по инерции, поскольку предельно социализируется и идеологизируется [7]. Происходит то, что описано А.С. Пушкиным в гениальном наброске «Возрождение». Как и все в стихах нашего «начала всех начал», здесь есть четкая светлая альтернатива – это вселяет надежду и в наши языковедческие рассуждения.

*Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.
Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.
Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.*

Начиная с 30-х годов прошлого века социальное пространство бывшей великой России, понятно – и русского языка, отчетливо трансформируется в оруэлловскую «ферму животных», а языковая личность обезличивается и поглощается кратким «мы».

На фоне заметно активизировавшейся аналитизации типологического устройства постепенно разрушается пушкинский канон, синтезирующий демократизацию и строгую литературную нормативность, что было определено реформой языковых стилей, проведенной М.В. Ломоносовым. Советская идеологизация языка, с ее прокрустовым ложем лживых штампов и лозунговых клише, сменилась иной крайностью – «праздником вербальной свободы», подкрепленным преданием полному забвению общения с неэлектронным текстом – прежде всего русской классической литературы, с полной девальвацией последней в «объятиях» новой русской мифологемы по имени «баба ЕГЭ»). Означенное «инновационное творение» отечественной чиновничьего «образования» стало форпостом безуспешной борьбы с метастазами «смеси французского с нижегородским» в языке *generation next*. Всего, что осталось от великой русской речи Анны Андреевны Ахматовой. Однако хотим мы того или нет – речь молодежи объективно отражает определенные тенденции в глубинном развитии русского литературного языка.

Динамика же этого развития такова, что в ней следует дифференцировать два типа происходящих изменений: а/ конструктивные и б/ деструктивные. С одной стороны, русский литературный язык, язык с

солидными письменными традициями, которые, собственно, и определили его статус как мирового, – неизбежно обнаруживает в своем пространстве такие участки, которые свидетельствуют о рождении нового – новых единиц и их форм, новых лакунов, новых семантических локусов, новых функций и целых сфер употребления, новых участков осваиваемой картины мира. Обычно все эти моменты не подчиняются статическим классификациям с их строгой системностью и минимизацией исключений из правил. Данный вектор языковой динамики мы считаем положительным и называем конструктивным. С другой стороны, следует говорить и о векторе отрицательном, с которым связана динамика деструкции, в первую очередь касающаяся самых сложных, тонких и подвижных (а значит – и уязвимых) языковых ипостасей – словаря, синтаксиса и стилистики. Здесь основным дестабилизирующим фактором выступает стихийная, не регулируемая культурной защитой экспансия другого социума, с его другой речевой идеологией, культурными традициями и системами концептуализации, категоризации и номинации. Происходит стихийная интерференция иной системы на старую и слепое подавление, вытеснение последней именно на открытых и гибких ее участках. Это словарь, синтаксический строй и стилевая иерархия. На современном этапе развития русского литературного языка дело усугубляется, причем трагически, тем, что общее падение именно русской культуры и стоящего за ней языка, создает условия для социальной пассивности, не мешающей «окисиванию» в виде абсолютной жаргонизации, а то и отмиранию собственно речевых традиций словоупотребления, словообразования, словосочетания и словоупотребления. Трансформируется и мутирует русская речь – те дискурсивные практики, которые призваны активно, динамически работать в цивилизованном обществе. Языковая деградация – проблема, пожалуй, не менее острая, чем инфляция или безработица (впрочем, они неотделимы).

Как и любой развитый язык с письменной историей, генетически представляющий индоевропейскую семью, русский литературный язык (далее РЛЯ) XXI в. претерпевает значительные изменения как на экстралингвистическом, так и на интралингвистическом уровнях, причем характер и общие тенденции этих метаморфоз уже отчетливо проявляются сегодня, по прошествии полутора десятков лет нового столетия. Каким бы вектором ни характеризовались происходящие в РЛЯ изменения – положительным или отрицательным, они локализуются в так называемых зонах переходности (контаминации), что вполне соответствует динамике языкового развития.

Важно подчеркнуть, что современная отечественная лингвистиче-

ская методология, актуализированная под знаменами антропоцентризма, с соответствующими кренами в лингвокогнитивистику (лингвоконцептологию), лингвокультурологию, лингвоэтносоциологию, лингвопсихологию, лингвосинергетику и под., так или иначе обходит вниманием – как пройденный этап – структурно-семантические (семиотические) и структурно-функциональные основания изучения собственно языка. Применение к русскому литературному языку зарубежных методов и приемов анализа материала, позволяющих во многом по-новому взглянуть на многие аспекты языковой системы и ее единиц¹, тем не менее далеко не всегда соответствует тому «духу» языка (В. фон Гумбольдт), и отталкивается от *развития самого организма русского языка и его природы*, а привлекает его данные для подтверждения постулатов, выведенных на основе анализа в основном западноевропейских языков.

Русская языковая личность носителя и формируемая ею русская языковая картина мира, однако, применительно к русскому литературному языку, его идентичности и ментальности носителя, требуют в первую очередь опоры на отечественные лингвистические методологические традиции, идущие от М. Смотрицкого, М.В. Ломоносова и А.А. Барсова, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева, В.И. Даля, А.А. Потебни, И.М. Срезневского, Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, И.А. Бодуэна де Куртене, Л.В. Щербы, Л.В. Выготского, М.М. Бахтина, В.В. Виноградова и др. Особую роль здесь призван сыграть русский классический художественный текст, в особенности – созданный в конце XIX – начале XX века (Д.Н. Мамин-Сибиряк, И.А. Бунин, А.И. Куприн, А.А. Блок, С.А. Есенин, М.А. Булгаков, А.Н. Толстой, А.М. Горький, Л.М. Леонов, К.Г. Паустовский, И.Г. Эренбург, М.А. Шолохов и др.) и отразивший в совершенной нормативно-литературной форме не только развитие достижений русской классики XIX в., но и глубочайший интерес к речевому поведению русской языковой личности как имманентной и полифункциональной индивидуальности, реагирующей на то, что совершается в социуме, и отражающей в речевой ткани текста, сознательно или чисто рефлекторно, не только свою языковую идентичность, но и происходящие в русской языковой картине мира изменения [2].

Языковая динамика в русском литературном языке начала активно изучаться в середине прошлого века. Даже стимулируемые чисто идеолого-конъюнктурными причинами (например, «задания» к юбилеям советской власти, стремление ученого выделиться в научно-иерархической лестнице или попасть в милость великого кормчего Сталина, счи-

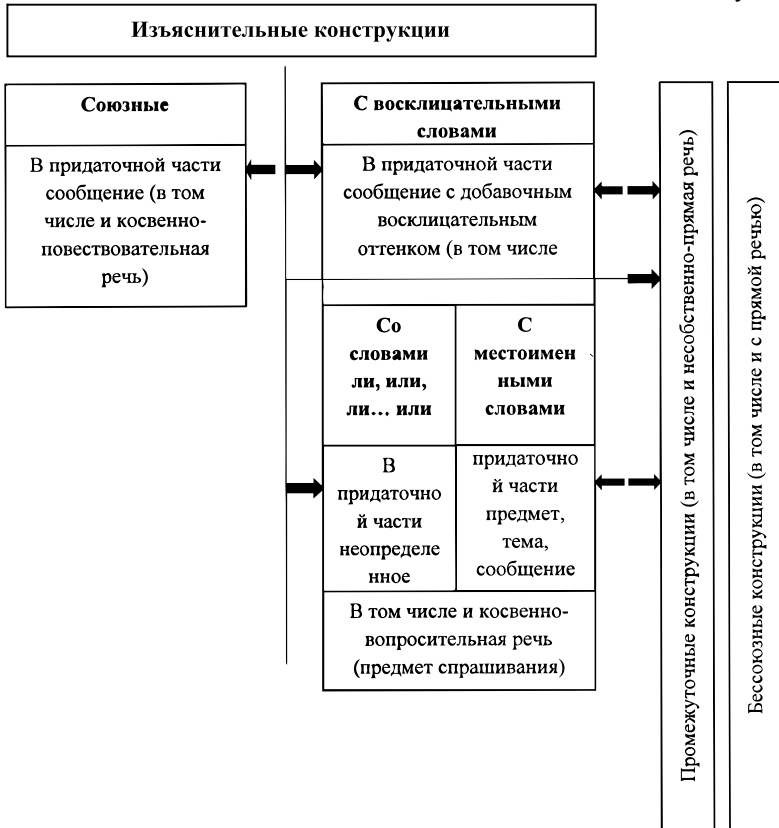
¹ См. труды таких ученых, как Т. ван Дейк, М. Фуко, П. Рикер, Дж. Лакофф, Р. Барт, Ф. Растье, Л.Крстьева, А. Вежицкая и др.

чиненных предложений» [4] и обратим внимание на принцип классификации двух важнейших разновидностей сложноподчиненных предложений (далее – СПП) современного русского литературного языка – изъяснительной и атрибутивной. Это принцип динамического многомерного подхода к описанию, классификации и анализу синтаксического материала: именно на этом основании ученый выделяет зоны переходности, которые свидетельствуют о тенденциях развития нашего языка и о его перспективах в будущем. Прочитируем принципиальное – и для данного исследования, и для общего вектора наших рассуждений – высказывание Л.Ю. Максимова, которое определяет его подход к ЗП уровня сложноподчиненного предложения современного русского литературного языка: «...понимание структурно-семантической модели как категории динамической, которая может быть представлена в зависимости от ступени дифференциации как более частная или более общая, имеет ряд преимуществ перед пониманием структурной модели как категории статической, абсолютизирующим какую-то одну ступень дифференциации или определенный набор структурных признаков» [4: 68]. Такой подход к анализу языковой материи представляется нам совершенно оправданным, особенно сегодня, по ряду моментов.

Во-первых, употребление любой языковой единицы основывается на динамическом равновесии составляющих ее внутреннюю форму признаков. Во-вторых, невозможно достичь абсолюта в описании и анализе языковой единицы, поскольку речевое употребление вскрывает всякий раз новые частные признаки и свойства. Наконец, в-третьих, только динамическая модель анализа любого ракурса языка позволяет смотреть в будущее корреляции «языковая картина мира – языковая личность», в «окрестностях» которой оказывается описываемое «семейство» [3: 51-53].

А. Предлагая классификацию изъяснительных СПП современного русского языка, исследователь выделяет в их составе и подтип, куда входят переходные конструкции, образующие своеобразную ЗП. Вот модель (см. рис. 1), отражающая классификационную «композицию» типа [4: 142].

Рисунок 1

Выделенные исследователем а/ промежуточные конструкции (в том числе и несобственно-прямая речь) и б/ бессоюзные конструкции (в том числе с прямой речью) представляют собой живой синтаксический материал, свидетельствующие об условности классификационных «границ» и возможности взаимного перехода одной разновидности типа в другой. Ср. примеры: *Признаться признались, а куда убитого купца дели – не сказывают* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. *На шихане*). *Как уцелел мой лоб после частого прикосновения к тумбам и фонарным столбам, мне решительно непонятно* (А.П. Чехов. *Ночь на кладбище*). *Даша, переглянувшись с сестрой и мужем, спросила Роцина, что, может быть, он устал и хотел бы лечь?* (А.Н. Толстой. *Сестры*). И под. Об этом же свидетельствует и общая схема, предложенная автором классификации – Л.Ю. Максимовым (необходимо обратить внимание

на семиотический статус стрелок на схеме).

Аналогичную картину мы наблюдаем при классификации еще одного типа СПП – присубстантивно-атрибутивного. Однако об этом и о многом другом речь пойдет в продолжении данного опуса.

Библиографический список

1. Буров А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2012.
2. Буров А.А. Современная отечественная лингвистика о связи языковой идентичности и языковой картины мира // Вестник ПГЛУ. 2013. № 4. С. 114-119.
3. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М.: УРСС, 2004.
4. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений; под ред. А.А. Булова и К.Э. Штайн. Пятигорск-Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011.
5. Мэй У. Из истории изучения переходности в современном русском языке // Cuadernos de Rusística Española. № 5 (2009). P. 63-73.
6. Русский язык и советское общество. В 3-х частях; ред. М.В. Панов. М.: Наука, 1966.
7. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания. М.: Политиздат, 1950.